

*Виктор Харебов
Сергей Харебов*

Огненная Земля

Тайна южных широт

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ: ТАЙНА ЮЖНЫХ ШИРОТ

Из цикла «Хроники стародавних
царств»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-445
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харемов Виктор

Х20 Огненная Земля: Тайна южных широт : Из цикла «Хроники стародавних царств» / Виктор Харемов, Сергей Харемов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 38 с.
ISBN 978-5-0067-4010-5

В научно-фантастической повести «Огненная Земля» ученый-лингвист и сын шамана отправляются в загадочную экспедицию в южные широты. Они исследуют древнюю легенду яганов о подземном мире, скрытом под антарктическими льдами. Погружаясь в тайны прошлого, герои сталкиваются с невероятными открытиями, которые могут изменить представления о происхождении народа яганов.

УДК 82-3
ББК 84-445

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-4010-5

© Виктор Харемов, 2025
© Сергей Харемов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть места на Земле, где прошлое не ушло, а замерло, укрывшись в складках ландшафта и памяти. Огненная Земля, архипелаг туманов и ветров на самом краю мира, – одно из таких мест. Здесь, среди скал и фьордов, звучит язык, не похожий ни на один другой. Язык народа яганов, или ямана, чье происхождение ускользает от объяснений, а традиции хранят шепот доисторических времен.

Издравле яганы вели кочевой образ жизни, скользя между островами на каноэ, охотясь на морских львов и собирая дары холодного моря. Они разводили костры прямо на лодках, укутываясь в жир морских зверей вместо одежды, и создавали мир, в котором человек и природа были неразделимы. Их язык не входит ни в одну из известных языковых семей Южной Америки, а устная традиция передает космогонические мифы, где фигурируют лед, пламя, подземные воды и великие переселения.

Некоторые исследователи предполагают, что яганы могут быть отдаленно связаны с народом рапануи – обитателями острова Пасхи. Сходства в морской культуре, антропологические черты и духовные символы позволяют выдвигать гипотезу о древней миграции из Полинезии на юг, до пределов Огненной Земли. По преданию, сохра-

нившемуся в рассказах яганских шаманов, их далекие предки покинули остров Пасхи по собственной воле — ведомые знанием, унаследованным от звездных навигаторов.

Они ушли не только за горизонт, но и «вниз по миру» — туда, где земля становится холоднее, небо ниже, а тьма — древнее света. Ведомые внутренним зовом, они достигли края света, где льды, ветры и вода соединяются в первозданной мощи. Здесь, среди суровой природы Огненной Земли, они обрели новый дом, сохранив песни, язык и память о небесных дорогах.

Легенды яганов рассказывают о «звездных гостях», научивших их предков следить за движением светил, строить лодки, высекать знаки на камнях и читать знамения ветров. Эти знания не были записаны, но передавались от шамана к шаману — как внутренний ориентир, как чувство пути. Со временем многое было утрачено, но в головах старейшин, в пении у костра и в ритме весла жива память о тех, кто однажды пересек океан, неся свет сквозь века.

Их жрецы предсказали великое оскудение земли и духовное угасание. Тогда часть народа, храня веру в древний завет, отправилась в странствие на юг — по волнам Тихого океана, вдоль побережья Южной Америки, пока не достигла пределов Огненной Земли. Там, где, по их верованиям, располагались Врата Подземного мира. Эти представления находят отклик в морской культуре, облике и символике яганов — удивительно близких к полинезийским корням.

Когда-то старейшины не говорили о переселении с севера, как полагает официальная история, а упоминали приход с юга — из ледяных глубин, из недр Антарктиды. Эти рассказы долго считались поэтическими метафорами. Но однажды одно из преданий вновь было услышано и оказалось слишком подробным, слишком согласован-

ным, чтобы быть только вымыслом. Оно говорило о подземных путях под Антарктидой и народе, вышедшем из мира, сокрытого подо льдом. Легенда ждала того, кто осмелится в нее поверить.

Так начинается путь — не ради славы и не в погоне за сенсацией, а из стремления понять, как возник народ яганов на южной оконечности материка, как сложилась их культура и почему древние мифы до сих пор живут в их сердцах. Это не подвиг, а внимательное вслушивание в голос прошлого. Ведь не все открытия совершаются в лабораториях. Некоторые ждут своего часа в ледяной тишине, на границе мифа и науки — там, где впервые возникает простой, но пугающий вопрос: а что, если легенда — это правда?

ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ НА КРАЙ СВЕТА

Ветер был тяжелый, соленый, холодный. Он тянулся с океана, нес в себе запах водорослей, сырого камня и далеких штормов. Над обрывами клубился низкий туман – волны, разбиваясь о скалы, поднимали в небо водяную пыль, и весь берег казался утопающим в дрожащем мареве.

Алексей Морозов стоял на краю взлетной площадки, где вертолет только что оторвался от земли и исчез в серой пустоте. Последние звуки материка растворились в ветре. Вокруг оставались только море, небо и холодная земля – Огненная Земля, край света.

Он глубоко вдохнул, и ледяной воздух обжег горло. Где-то внизу глухо гремели волны, перекатываясь через прибрежные камни. Неведомое, древнее дыхание этой земли будто шептало в каждом порыве ветра, в каждом отголоске тумана.

Алексей прибыл на Огненную Землю в составе этнографической экспедиции ЮНЕСКО искать язык – голос племени яганов, живой язык, но словно ускользающий из рук истории. Ученые называли его изолятом: ни одной

родственной нити ни в Новом, ни в Старом Свете. Но здесь, в этих первобытных краях, язык был не просто средством общения — он был частью самой земли, ее древней тайны.

Шаги скрипнули по настилу. К нему приближался человек — высокий, в плотной ветрозащитной куртке, с обветренным лицом и короткой бородой.

— Добро пожаловать в Фин-дель-Мундо, — сказал он, и голос его прозвучал словно из глубины ветра. — Здесь все заканчивается. Или начинается — если повезет.

Алексей поднял глаза и ответил крепким рукопожатием:

— Алексей Морозов. Лингвист.

— Родриго Альварадо, координатор экспедиции, — представился мужчина. — Если не боитесь штормов, одиночества и древних голосов — тогда милости просим.

Они пошли по настилу, ведущему к зданию базы, спрятанному в плотном снегу и тумане. Под ногами скрипели обледеневшие доски, а в ушах все еще стоял шум ветра и плеск разбивающихся волн.

Холод пробирал до костей, но в груди разгоралось странное горячее чувство. Что-то в этих местах дышало вместе с землей. Что-то древнее ждало его впереди.

— Мы не первый год изучаем яганов, — продолжил Родриго, — но до сих пор многое остается загадкой. Люди будто вне времени. Уцелевшие осколки.

Внутри базы было тепло; воздух был пропитан запахом кофе, бумаги и старого дерева. Мягкий рассеянный свет из настенных ламп ложился на стены теплыми пятнами, скользил по стопкам папок и карт. Где-то в углу мерно потрескивал обогреватель.

В одной из комнат Морозову показали материалы: аудиозаписи в пластиковых футлярах, пожелтевшие карты, фотографии с истертыми подписями. Бумаги шуршали под руками, когда Родриго аккуратно перелистывал их, извлекая из глубины ящиков все новые находки.

На стене висела репродукция — старая лодка из коры, покачивающаяся на воде, в которой сидели люди, обнаженные по пояс, с белыми рисунками на телах. Тени от картины дрожали на стене, будто сама сцена на ней оживала.

— Это их традиционные каноэ. Делали из коры дерева «лангка». Яганы жили у воды, питались морскими животными. Могли часами плавать в ледяной воде.

— Удивительно. Средняя температура тела у них выше нормы на один градус, верно? — уточнил Алексей.

— Именно. Ученые до сих пор гадают почему. А еще — их генетическая связь с аборигенами Австралии.

Морозов взял распечатку с результатами сравнительного анализа ДНК. Некоторые аллели совпадали с австралоидными популяциями. Это шло вразрез с официальной теорией миграции коренных народов Южной Америки.

— Географически их исторический ареал — острова архипелага Воган и побережье канала Бигля, — объяснил Родриго, показывая карту. — А если смотреть глубже, где-то здесь они и могли впервые выйти к побережью.

Алексей провел пальцем по линии, мысленно продолжая ее на юг, в сторону Антарктического полуострова.

— А если представить, что они не пришли с севера, как принято думать, а... наоборот?

Родриго хмыкнул:

— Есть такие мифы. Шаман старого рода рассказывал: «Мы пришли с юга, откуда белый свет льется из-под земли». Поэтично, но непроверяемо.

— Или пока не проверено, — поправил Алексей, задумчиво глядя в окно.

Позже он сидел в комнате с Шануком, сыном шамана. Юноша был лет двадцати, с острым взглядом и точеными чертами лица.

— Ты знаешь старые предания? — спросил Алексей на яганском, пусть и с акцентом.

– Немного. Дед говорил: «Земля открылась, и мы вышли наружу, к солнцу. Раньше было тепло, но тьма пришла. Тогда мы поднялись».

Алексей записал эти слова в блокнот. Он слышал подобные фразы в записях с Папуа и Северной Австралии. Была ли в этом общая память?

– Ты хотел бы пойти туда, где начиналась эта история? – тихо спросил он.

Шанук кивнул. В его взгляде не было сомнений.

Перед сном Алексей пролистывал старые исследования. Он выписал себе факты:

«Языковой изолят: яганский не родственен ни одному из языков мира. Крайняя сложность грамматики: один глагол мог включать до десяти морфем. Культура ориентирована на море: кочевники использовали огонь даже в лодках. Генетические параллели с народами Южной Азии и Австралии. Высокая адаптация к холоду».

В свете этих данных легенда шамана звучала не как аллегория, а как... историческая память. Возможно, яганы – остатки древней популяции, покинувшей южный подземный регион, когда он стал непригоден для жизни. Он набросал стрелку: от южного края Антарктиды – к Огненной Земле, через плавучие льды и архипелаги.

Так родилась гипотеза, которая могла стоить ему репутации – или сделать его первооткрывателем новой главы истории человечества.

На следующее утро он проснулся с ясным решением: отправиться на Белую Землю. Вниз по стрелке. Вниз по памяти.

ГЛАВА 2. ТЕНИ ДРЕВНИХ СВЯЗЕЙ

На третий день после прибытия Алексей Гордеев уже мог различать тонкие интонации яганской речи. Он часами прослушивал аудиозаписи, делал пометки в блокноте, сравнивал конструкции. Но одна мысль не давала ему покоя. Слишком уж знакомыми казались некоторые элементы культуры, слишком живыми были параллели с другим краем света.

Вечером, у костра рядом с лагерем, он наблюдал за обрядом инициации юноши. Племя собралось в полукруге. На лице парня — узоры белой охры. Он двигался в ритме барабанов, а старейшины пели, используя протяжные вибрирующие гортанные звуки. Руки — вытянуты, колени слегка согнуты, движения — плавные, текущие. Алексей затаил дыхание.

Он уже видел нечто подобное на острове Пасхи, в танцах народа рапануи. Та же пластика тела. Те же подвески-обереги в виде миниатюрных моаи-миро. Те же ритмы, сменяющие дыхание.

После обряда он подошел к Родриго, сидевшему у огня с чашкой мате.

— Замечал ли ты, насколько их ритуалы напоминают обряды аборигенов Рапануи? — спросил Алексей.

— Хм... В каком смысле?

— Я говорю о движениях, песнях, раскрасках. Даже способ общения жестами в тишине — все это перекликается с тем, что я наблюдал на фестивале «Тапати Рапануи», посвященном прамати Хота Матуа. И это не поверхностные сходства.

— М-м-м, интересное наблюдение, но, боюсь, здесь нет ничего сверхъестественного. Разные народы могли прийти к похожим формам независимо. Подобные вещи часто случаются.

— Это слишком конкретно. Даже символы на телах — спирали, точки, змеи. Один в один. И в лексике яганов есть корни, которые удивительно похожи на слова из даруг или аранта.

— Алексей... — Родриго вздохнул. — Мы все любим необычные теории. Но ты знаешь, как академическое сообщество относится к таким параллелям. Нужны доказательства.

Алексей молча кивнул, но внутри ощутил упрямую решимость. Его интерес подогревался, как угли в костре.

Позже, в лаборатории на базе, Алексей вместе с Лией Хавьер, генетиком экспедиции, рассматривал данные ДНК.

— Удивительно, — говорила Лия. — Мы нашли у яганов редкие маркеры, схожие с маркерами полинезийских народов, особенно с народом рапануи с острова Пасхи.

— Серьезно? — Алексей от удивления поднял брови. — То есть у них есть следы полинезийской крови?

— Пусть и незначительные, но устойчивые. Это значит, что в какой-то момент в истории произошло скрещивание. Причем достаточно давно, чтобы укорениться.

Алексей задумался.

— Но это логично, если учитывать мореходные способности рапануйцев. Они же колонизировали Гавайи, Новую Зеландию, Туамоту... Что мешало им доплыть и до самой южной оконечности Америки?

— Ничего, — пожала плечами Лия. — Их двойные каноз и навигация по звездам (те вананга о те хоэ) — древнее искусство. Они могли пройти тысячи километров без компаса.

— Тогда, — продолжил Алексей, — рапануйцы могли достичь берегов Огненной Земли задолго до европейцев. Их культура, пусть частично, могла слиться с культурой яганов. Возможно, они даже сыграли роль в той самой миграции, которая позже завершилась на Антарктиде...

Он сделал пометку в дневнике:

«Слияние полинезийского мореходства и американской архаики могло стать катализатором великого перехода. Союз духовного знания и технического мастерства».

Позже Алексей углубился в реконструкции древней географии. Его внимание привлекла гипотеза, согласно которой около 30 тысяч лет назад между южной оконечностью Южной Америки и северной частью Антарктиды существовал узкий сухопутный перешеек. В результате тектонической активности и подъема уровня океана этот перешеек постепенно опустился, образовав современный пролив Дрейка.

— Переход был, — прошептал он. — В буквальном смысле.

Если древние племена (возможно, с участием пришедших с востока полинезийцев) обитали в этом регионе, они могли пересечь сушу в момент катастрофы, спасаясь от ледникового холода или вулканической активности. И найти убежище в пещерах Антарктиды.

На следующее утро он отправился в деревню, где его ждали двое старейшин. Их звали Маука и Лерей. Старики почти не говорили по-испански, но с радостью делились рассказами. С ними был Шанук — в роли переводчика и проводника в мир преданий.

— Спросите их, откуда пришли эти танцы, — попросил Алексей.

Шанук передал вопрос. Лерей, седой и подслеповатый, улыбнулся:

– Танец – из памяти. Его учили те, кто шел по суше, пока земля не исчезла. Потом был только лед.

Маука добавил:

– Мы не делали эти рисунки сами. Их показали духи-ходоки. Мы их не забыли.

– Духи-ходоки? – переспросил Алексей.

– Те, что шли под землей, пока не нашли свет.

Алексей записывал каждое слово. У него уже было десяток подобных рассказов, и все упоминали «прошлую землю», «тьму», «свет», «переход». Он начал видеть в этом не аллегория, а закодированную историю выживания.

Позднее он узнал от местного врача миссии, что у яганов средняя температура тела стабильно держится на отметке 37,5–38 градусов. Это позволяло им свободно купаться в ледяной воде даже зимой. Организм, адаптированный к холоду, как будто созданный для выживания в экстремальном климате.

– Их тела словно заточены под другой климат, – заметил врач. – Холодный. Постоянно холодный.

Эти слова надолго застряли у Алексея в голове. Все вместе – адаптация к холоду, генетическая связь с австралийскими и полинезийскими популяциями, язык-изолят и необычные мифы – складывались в новую гипотезу.

Позже, за столом в базе, он набросал диаграмму. В одной колонке – элементы яганской культуры: круговой танец, охряная раскраска тела, ритмы с переменным акцентом, кочевой образ жизни вдоль побережья. В другой – аналогичные черты у племен Австралии и Полинезии.

Из полевого дневника Алексея Гордеева:

«Огненная Земля. База ЮНЕСКО. Вечер.

Круговой танец у яганов – ритуальный, строгий. Очень напоминает обряды аборигенов в Австралии. Круг – как

знак единства или выхода в иное пространство. Совпадение? Или древняя память?

Охряная раскраска тел. Красная и желтая охра — защита и знак. Как у аборигенов. Как у древней Полинезии. Только вместо постоянных татуировок — временные знаки на коже. Следы другой философии времени?

Ритмы. Слушал записи. Пение — сдвиги акцентов, переменная пульсация, как у старинных племенных барабанов. Живое дыхание, а не ровный счет. Музыка будто цепляется за ветер.

Кочевники моря. Легкие лодки, переходы вдоль берега, поиск пищи. Как ранние полинезийцы. Как австралийцы на северных побережьях. Океан диктует свой закон — всегда в пути.

Пока не могу отделаться от странного чувства: будто все эти народы вспоминают что-то общее. Как тени одной и той же древней тропы, растянутой между континентами».

Сопоставления были убедительными. Особенно поразило его слово пага — в языке яганов оно означало «вход, проход», а в даруг — «земля» или «место». В рапануйском близкий по звучанию корень обозначал «дом» или «остров».

Он начал писать статью, хотя понимал, что ее отвергнут. Но мысль звучала ясно: если культурные и лингвистические параллели устойчивы, то миграция в древности могла быть двухсторонней. Или существовал третий общий праисточник — неведомая популяция, распространившаяся по югу планеты задолго до известных миграций.

Именно тогда он впервые на листе бумаги нарисовал стрелку — не с севера на юг, как в учебниках, а наоборот. Из древнего южного очага, из сердца Белой Земли.

Вечером Шанук снова присоединился к нему.

— Ты рисовал карту? — спросил он, заглянув через плечо.

– Да. Думаю, ваши предки пришли не через Анды, а по суше. По мосту, которого уже нет. А потом – вниз, под лед.

Шанук молча кивнул:

– Дед так и говорил. Мы не пришли. Мы – вернулись.

ГЛАВА 3. ПРЕДАНИЕ ШАМАНА

Вечером, когда над Огненной Землей сгущались фиолетовые сумерки, Алексей сидел у костра, вглядываясь в отблески пламени. Его не отпускала мысль: все, что он слышал и наблюдал, складывалось в странную, почти невозможную картину. Чтобы окончательно сложить этот пазл, ему нужно было поговорить с тем, кто знал больше всех — с шаманом племени яганов.

Шамана звали Таука. Ему было, по приблизительным оценкам, под восемьдесят лет. Высокий, с прямой спиной, с лицом, испещренным морщинами, будто трещинами древней коры, он редко говорил — и почти никогда не на испанском. Шанук согласился сопровождать Алексея и переводить. Они нашли шамана на склоне холма, где он в одиночестве курил трубку и смотрел на закат над каналом Бигля. Ветер развевал его накидку из шкур, в волосах поблескивали бусины.

— Мы хотим послушать твою историю, — сказал Шанук на языке племени.

Таука кивнул, не отрывая взгляда от горизонта.

— История старая, — начал он, — ее рассказывают только тем, кто умеет слушать тишину. Это не для праздных ушей.

Алексей придвинулся ближе, открывая блокнот.

— Давным-давно, — говорил Таука, — когда земля еще не знала зимы, наш народ жил под светом, что шел снизу. Мы жили внутри самой земли. Там были реки без льда и леса без звезд. Там была жизнь.

Он замолчал, словно ожидая реакции. Алексей чувствовал, как по спине пробегает холодок. Шаман говорил не метафорами. Его голос звучал как передача знания.

— Почему вы ушли оттуда? — осторожно спросил он через Шанука.

— Великая трещина открылась. Огненная вода вышла из недр и сделала дыхание тяжелым. Свет стал черным. Тогда наши старейшины повели народ наверх — сквозь камни, вверх к холоду. Мы вышли наружу. Там не было тепла, но было небо.

Алексей замер, мысленно отмечая каждую деталь. Тепло под землей. Лес. Внутренние реки. Катастрофа — возможно, извержение? И восхождение наружу...

— А где была та земля? — спросил он.

Таука поднял руку и указал на юг, в сторону Антарктиды.

— Там, где лед прячет старую кровь Земли. Там, где белый свет льется из-под ног.

— Великая Белая Земля, — прошептал Алексей. — Так это не аллегория...

Шаман посмотрел на него впервые за вечер. Его глаза были ясными и спокойными.

— Ты слышал. Что ты сделаешь с услышанным — это уже не наша история.

Позже, в палатке, Алексей долго не мог уснуть. Он набрасывал в блокноте схему: вулканическая активность, подледные полости, термальные источники. Он вспомнил отчеты геофизиков — под Антарктидой действительно существуют зоны с аномально высокой температурой, где лед тает снизу, образуя озера и пещеры. Некоторые поло-

сти достаточно велики, чтобы содержать собственную экосистему.

— А если... — прошептал он. — Если эти полости были населены?

Шанук лежал рядом, завернувшись в одеяло, но глаза его были открыты.

— Я пойду туда, — сказал он вдруг. — Если ты решишь идти, я пойду с тобой. Это — мой дом, если дед не солгал.

Алексей улыбнулся:

— Тогда мы вдвоем, Шанук. И может быть, мы станем первыми, кто найдет то, о чем древние только шептали.

На следующее утро он написал электронное письмо руководству экспедиции ЮНЕСКО с запросом на организацию частной разведывательной миссии на Антарктический полуостров. В письме он изложил научную гипотезу: подледные полости Антарктиды, созданные вулканической активностью, могли в древности быть обитаемы. Предания яганов могут оказаться отражением реальной миграции древнего народа, спасшегося от катастрофы под землей.

Он знал, что письмо вызовет усмешки. Но он уже не мог отступить.

Так родилась экспедиция, которая изменит все.

ГЛАВА 4. ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

Письмо, отправленное Алексеем в штаб-квартиру ЮНЕСКО, повисло в воздухе, как камень над бездной. Ответа пока не было, но внутри все кипело. Он уже принял решение: экспедиция состоится – с официальным благословением или без него.

В лаборатории при базе он вновь встретился с доктором Лией Хавьер, генетиком, участвующей в исследовании яганской ДНК. На экране монитора пульсировали фрагменты геномов.

– Вот посмотри, Алексей, – Лия показала на один из графиков. – Эти маркеры – митохондриальные. Они характерны для популяций Юго-Восточной Азии и аборигенов Австралии. Причем они не появляются ни у одного другого народа в обеих Америках.

– Значит, контакт был? Или миграция из общего пра-родительского региона?

– Либо контакт, либо... – она пожала плечами. – Либо мы чего-то не понимаем в хронологии заселения южных континентов.

Алексей задумчиво посмотрел на таблицу:

— А если родина была третьей? Не Азия, не Америка. Что, если она — подо льдом?

Лия приподняла бровь:

— Ты говоришь про Антарктиду?

— Именно. Таука рассказал мне о подземной земле, о «свете снизу» и «огненной воде». Это не метафоры. Это может быть описание вулканически активных подледных систем.

— Алексей... Это звучит фантастически.

— И все же не абсурдно. Вулканы под антарктическим льдом известны. Есть данные NASA и Британской антарктической службы. Некоторые полости достигают десятков километров. Если в них есть термальные источники, возможно, там могла сохраниться жизнь.

Вечером он встретился с Шануком и его младшим братом Туку. Туку был худощав, светлоглаз, с быстрой речью и глазами, в которых сверкала жажда приключений. Алексей чувствовал, что именно он может стать живым мостом между преданием и наукой.

— Мы отправимся туда, — сказал он. — Но мне нужен кто-то, кто не просто знает язык и обычаи, а верит в легенду. Кто готов идти до конца.

Туку взглянул на Шанука, затем — на Алексея.

— А ты веришь, что земля под льдом — настоящая?

— Не просто верю. Я ищу доказательства. И хочу, чтобы ты помог их найти.

Парень кивнул:

— Если ты берешь меня с собой, я иду.

В последующие дни началась подготовка. Алексей связался с коллегами в Пунта-Аренасе, заказал спутниковые карты, сравнил данные о сейсмической активности за последние пять лет. Несколько точек в районе Земли Палмера вызвали особый интерес — фиксировались микротолчки и тепловые аномалии.

Он нашел двоих добровольцев: Марко Сантос — альпинист и инженер по выживанию, участвовавший в ледовых миссиях в Исландии; и доктор Элин Эверс — микробиолог, изучающая экстремофилов. Она мечтала найти следы архаической жизни в недрах Антарктиды.

Они провели собрание в главной комнате базы. На стене висела карта, покрытая стрелками, пометками и точками интереса.

— Мы высадимся на Антарктическом полуострове, — начал Алексей. — Регион между 64-й и 66-й южными широтами. Это зона вулканической активности. Есть шанс, что там находится одна из полостей, упомянутых в предании.

— Как мы попадем внутрь? — спросил Марко.

— Мы воспользуемся дронами и георадарами, чтобы найти возможные полости. Если повезет, мы найдем естественный провал или пещеру.

— А если там никого нет? — уточнила Элин.

Алексей взглянул на нее:

— Тогда мы получим уникальные данные. А если там кто-то есть — мы встретим живую историю.

В один из дней Туку подошел к Алексею с небольшим свертком. Развернув его, ученый увидел амулет из камня и кости, украшенный символами.

— Это знак племени, — сказал Туку. — Его носили те, кто шел далеко. Он поможет.

Алексей молча взял амулет, чувствуя, как за ним стоит не просто жест, а признание.

Так, шаг за шагом, гипотеза превращалась в план. Предание — в маршрут. А вера — в путь, ведущий к границе двух миров: мира науки и мира древней памяти.

ГЛАВА 5. НАЧАЛО ПУТИ

В тишине утреннего ветра на границе снега и океана вертолет, поднявший экспедицию с Огненной Земли, исчез за горизонтом, оставив за собой только гул в ушах и рой снежных вихрей. Алексей стоял на шершавом льду Антарктического полуострова и чувствовал, как все прошлое жизни — академическая рутина, конференции, лекции — отступает, уступая место предчувствию. Здесь, в перво-зданной тишине юга, начиналось нечто большее.

— Вот она, Великая Белая Земля, — пробормотал Шанук, вглядываясь в бесконечный белый пейзаж. — Та, о которой говорил дед.

Они поставили палаточный лагерь на скальном выступе недалеко от залива, защищенного от ветров. Погода благоволила, хотя все знали — это лишь временное затишье.

Вечером у походного обогревателя Алексей разогревал консервированный суп, а Шанук сидел рядом, держа в руках амулет шамана.

— Ты говорил, что ваши предки пришли с юга, — начал Алексей. — Но старик Таука однажды сказал: «Мы вышли наружу, как семя из земли». Что он имел в виду?

Шанук задумался:

– Мы говорим не «пришли из-за моря», а «вышли». Как из трещины. Изнутри. Дед говорил, что в земле был мир. Горячий, живой. Но что-то его разрушило. Тогда люди поднялись.

– Значит, не переправа. Не миграция. А восхождение. – Алексей потер подбородок. – Тогда это может быть... физический выход. Из пещер, тоннелей, полостей.

– Если они все еще существуют.

Алексей кивнул:

– И мы попробуем это выяснить.

Следующие три дня прошли в напряженных поисках. Дроны обследовали ледяные поля, георадар пробивал трещины в скальных породах. Марко и Элин отмечали подозрительные аномалии, но ни одна не вела к предполагаемому подземному пространству.

– Здесь все будто замерло, – бурчал Марко, проверяя заряд батарей. – Ни одного четкого сигнала. Ни малейшего намека на пещеру.

– Может, мы не там ищем, – предположила Элин. – Или не так.

Алексей изучал спутниковые снимки, которые получил от коллег в Пунта-Аренасе. Одна зона вызывала у него особое внимание – тень на склоне ледника, которую можно было интерпретировать как провал.

– Мы пойдем туда завтра, – сказал он, указывая координаты.

– Ледник нестабилен, – заметил Марко. – Придется идти налегке.

– Значит, так и сделаем.

Ночью Алексей снова сидел в палатке с Туку. Парень просматривал старые записи деда, сделанные на яганском.

– Вот, – сказал он, указывая на фразу. – «Свет падал сквозь лед, и земля дышала паром».

— Это может быть описание геотермального источника. Свет — это рассеянное солнце, проникающее сквозь тонкий лед. А пар — теплый воздух изнутри.

— А вот еще: «Когда не стало неба, мы нашли небо под землей».

Алексей отложил блокнот:

— Это не просто поэзия. Это навигация. Их язык — код, передающий сведения. И если мы научимся его расшифровывать, то найдем путь.

Туку посмотрел на него:

— Тогда мы должны идти глубже. Туда, где кончается лед и начинается старый свет.

Утром, когда на небе показалась бледная полоска солнца, команда отправилась к координатам. Прокладывая путь через твердый наст и зыбкие снежные мосты, они подошли к гребню ледника. Впереди — провал, скрытый тенью, усыпанный снежной пылью. Он выглядел как зияющая пасть, дышащая изнутри теплым воздухом.

Марко первым приблизился:

— Есть тяга. И тепло. Лед не тает снаружи — он плавится изнутри.

Алексей взглянул вниз, где исчезал свет:

— Тогда, возможно... это вход. Или выход. Зависит от того, с какой стороны смотреть.

Он посмотрел на Шанука и Туку. Оба кивнули.

Начался новый этап их пути.

ГЛАВА 6. НА ПОРОГЕ БЕЛОЙ ЗЕМЛИ

Антарктика, несмотря на свое кажущееся безмолвие, шумела. Ветер, завывающий над ледяными хребтами, свистел в трещинах и гудел в натянутых растяжках палаток. Алексей сжал зубы, поправляя капюшон, пока ветер рвал тент и срывал снежную крупу с края карниза. Буря налетела внезапно, и все планы на день пришлось отменить.

— Вторые сутки как в изоляции, — бурчал Марко, обстучивая замерзшую антенну спутниковой связи. — Передатчик завис, GPS сошел с ума. Термодатчики не реагируют.

— Даже обогреватели начали барахлить, — добавила Элин. — У нас еще трое суток до минимума запасов по энергии.

— Это испытание, — тихо сказал Шанук. — Сама земля проверяет нас.

Алексей молча кивнул. Еще вчера он чувствовал воодушевление, но теперь в него закрадывалась усталость. Ни одного реального сигнала. Ни намека на вход в подземные структуры. Возможно, он просто вообразил невозможное.

На четвертое утро буря стихла. В воздухе повисла вязкая тишина, как после великого взрыва. Лед блестел под утренним светом, и над горизонтом плыло тонкое солнце.

— Мы возобновим маршрут по юго-западному гребню, — сказал Алексей, показывая линию на карте. — Эта зона кажется наиболее геологически нестабильной. Если где-то и будет провал — то там.

Группа вышла налегке. Впереди шел Марко, проверяя путь ледорубом. Остальные шли след в след.

В какой-то момент Марко, идя по крутому склону, поскользнулся. Он сорвался вниз по ледяной осыпи, и только хруст мягкого снега смягчил удар. Когда остальные подбежали к нему, он уже сидел, потрясенный, но невредимый.

— Что это за черт... — пробормотал он, глядя на скалу перед собой.

Перед ним в скале зиял темный проем. Почти правильной формы — прямоугольный, но с чуть скругленными краями. Его обрамляла темная порода, начисто лишенная наледи.

— Это... не может быть естественным, — выдохнула Элин.

— Ни один лавовый канал не даст такой формы, — пробормотал Алексей. — Это кто-то строил.

Они осторожно приблизились. Внутри — темнота, но теплый воздух ощущался даже на фоне ледяного холода снаружи. Алексей достал налобный фонарь и вошел первым.

Проход вел вглубь скалы, а стены — совершенно ровные, будто выточенные. Они были покрыты гравировками: символами, завитками, угловатыми знаками.

— Это... — прошептал Туку, прижимаясь к стене. — Я знаю этот стиль. Мы рисовали так в детстве, копируя рисунки из пещеры у лагеря дедов. Но эти... они древнее. И глубже.

Алексей замер. Его рука коснулась одного из символов — змеевидного узора с точками. Он уже видел похожее в росписях у шамана Тауки.

– Выходит... легенда права, – произнес он вслух. – Они действительно вышли отсюда.

– Не просто вышли, – поправил Туку. – Их сюда когда-то привели. В эти места. Здесь они жили. И только потом – ушли наверх.

Они углубились в тоннель. Свет фонарей выхватывал арки, уходящие вглубь. Стены дышали сухим теплом. Где-то далеко слышался капающий звук – как бычий шаг вечности.

– Мы на пороге, – прошептал Алексей. – Пороге Белой Земли, о которой говорили только в преданиях.

Марко шел позади, осматривая стену пальцами.

– Это не просто тоннель. Это конструкция. Система. Кто-то владел технологией, способной прорезать камень. И не один век назад.

Они остановились у места, где своды расширились, образуя подобие зала. На центральной стене – гигантская спираль, окруженная символами.

– Это символ перехода, – тихо сказал Туку. – Так дед объяснял. Спираль – путь, который ведет к свету. Но не наружу. К свету внутри.

Алексей поднял глаза. Перед ним раскрывался путь – не только физический, но и символический. И где-то в глубине он чувствовал: все только начинается.

ГЛАВА 7. ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Прошло два часа с момента, как экспедиция вошла в тоннель. Температура медленно повышалась, стены перестали покрываться инеем. Вместо звона льда и скрежета ветра вокруг звучало лишь капание воды да ровный гул — будто сама земля дышала под ногами.

Алексей шагал впереди, за ним — Шанук, Туку, Элин и Марко. Они миновали узкие коридоры, галереи, природные уступы, пока, наконец, проход не расширился — и за последним поворотом открылся невообразимый пейзаж.

— Боже... — только и смог прошептать Алексей.

Перед ними лежала гигантская полость, такая высокая, что терялась в полумраке под потолком. Свет, рассеянный, но теплый, струился сверху сквозь кварцевые прожилки в породе. Его хватало, чтобы осветить мир под землей. Мир, казавшийся невозможным.

Пышная растительность покрывала уступы, влажные папоротники колыхались под теплым воздухом. По каменным террасам текли прозрачные ручьи, сливаясь в извилистую реку. Вдалеке летало нечто вроде насекомых — слишком больших, чтобы быть мотыльками, но с такими же светящимися крыльями.

— Это... биосфера. — Элин медленно снимала респиратор. — Устойчивая. Тепло, влажность, фотосинтез — все есть.

— Местами даже тропики не такие густые, — добавил Марко, поднимая камеру. — Это рай, спрятанный под километрами льда.

Алексей не мог оторвать взгляд. Его сердце стучало с новой силой. Вот оно. Доказательство. Не миф, не случайность. А цивилизация, возможно, не прервавшая свою линию с незапамятных времен.

— Смотрите, — указал Туку. — Там, у реки, кто-то есть.

Они увидели фигурки людей — пятеро, одетых в ткани из волокон и шкур, с раскрасками на лицах. Один держал копье. Двое подошли ближе, явно настороженно, но без враждебности.

— Не двигайтесь резко, — прошептал Алексей. — Попробуем говорить.

Туку вышел вперед и произнес короткую фразу на яганском. Люди переглянулись. Один из них, мужчина с седыми висками, ответил. Медленно. С паузами. словно он доставал из глубины памяти язык, забытый наверху.

— Это яганский, — сказал Туку в изумлении. — Но очень древний. Как будто из старых песен.

Он заговорил снова на смеси современных и старых слов. Постепенно незнакомцы начали понимать. Старший жестом пригласил их идти за собой. Путь вел вниз, к поселению, скрытому между скалами и растительностью.

Поселок состоял из округлых домов, сплетенных из растений и обмазанных глиной. Вокруг — дети, женщины, старики. Все с удивлением и одновременно со спокойствием смотрели на пришельцев. Как будто они были не первыми, кто пришел «сверху».

В одном из домов Алексей и Туку разговаривали с главой поселения, которого звали Тоал.

– Мы – дети Ковчега, – говорил он. – Наши предки пришли сюда, когда верхний мир загорелся и задохнулся. Здесь, под камнем, было тепло. Вода – живая. Земля – добрая. Мы остались.

– Сколько поколений прошло? – спросил Алексей.

– Мы не считаем. Только храним. Каждый старейшина передает слово следующему. Ты – первый, кто говорит словами, похожими на слова прадедов.

Туку слушал, затаив дыхание.

– Они помнят, – сказал он. – Все, что дед шептал мне у огня, – правда. Мы не пришли издалека. Мы поднялись изнутри.

Алексей почувствовал, как в груди поднимается волнение. Все годы, статьи, сомнения – все свелось к этой теплой хижине в подземном мире. Он хотел плакать и смеяться одновременно.

– Тоал, – обратился он к старейшине, – вы жили здесь все это время. Вас никто не находил?

– Кто шел с шумом – не доходил. Кто с огнем – терял путь. Только тот, кто слышит шепот камня, находит дорогу.

– Мы не навредим. Мы пришли, чтобы понять.

Старик посмотрел на него и кивнул:

– Тогда слушайте. Слушайте, как дышит Белая Земля.

И они слушали. Слушали легенды, слова, песни, отголоски времени, которые откликались в каждом предании шаманов наверху. Экспедиция не просто нашла новый мир. Она нашла корни.

И дорога вверх уже казалась не такой обязательной.

ГЛАВА 8. ТАЙНЫ ПОДЗЕМНОГО МИРА

Прошло трое суток с момента, как экспедиция вошла в подземный мир. Команда обустроила временный лагерь недалеко от поселения местных жителей. Здесь не требовались обогреватели — воздух был теплым, почти душным. Влажность, мягкий свет, излучаемый кварцевыми куполами под потолком пещеры, и постоянное журчание воды создавали иллюзию пребывания в другом времени, а не просто в другом месте.

— Все объясняется вулканической активностью, — сказал Алексей, стоя на одном из возвышений рядом с Туку и Элин. — Под нами активный очаг. Геотермальная энергия согревает весь этот микромир.

— И свет? — уточнила Элин, поднимая голову.

— Свет — это феноменальный эффект: кристаллические пласты кварца и льда наверху работают как гигантская линза. Сквозь толщу льда проходит часть солнечного излучения. Достаточно, чтобы поддерживать фотосинтез.

Туку внимательно слушал, затем сказал:

— Но дед говорил: «Свет здесь не с неба, а из камня». Наверное, он имел в виду это.

– Возможно. Их поэзия точнее любой научной формулы, – усмехнулся Алексей.

Местные жители с интересом наблюдали за пришельцами, но относились к ним без страха. Шанук, погруженный в диалоги, начинал все лучше понимать их речь.

– Их язык... – говорил он Алексею. – Это старый яганский. Но с уникальными формами. Как если бы яганский продолжал развиваться отдельно тысячу лет, не сталкиваясь с внешним миром.

Один из старейшин, Тоал, показал им хранилище – вырезанную в скале комнату, где хранились предметы прошлого. Среди них были каменные таблички с вырезанными звездами, спиралями, линиями. Алексей сразу понял – это карты.

– Звезды, – прошептал он, проводя пальцем по холодному камню. – Их предки знали небо. Даже отсюда, изнутри.

Тоал пояснил:

– Мы храним не только легенды. Мы храним путь. Путь, по которому шли те, кто спасался от горящего неба. Катастрофа сверху – вот почему мы здесь. Земля тогда была мертва.

Алексей чувствовал, как его гипотеза, некогда спорная и бездоказательная, теперь обретает плоть и голос. Эти люди были живым архивом истории, которой не было в учебниках.

Но однажды вечером случилось нечто, что изменило тон экспедиции. Марко, вернувшись из разведки с георадаром и дозиметром, подошел к Алексею с хмурым лицом:

– У нас проблема. Или открытие – в зависимости от того, с какой стороны посмотреть.

– Что ты нашел?

– Повышенный радиационный фон. Намного выше нормы. Мы дважды перепроверили – счетчики не врут. Вся зона к юго-востоку от поселения буквально фонит.

В походной лаборатории Элин провела серию проб. Спектрометрия показала наличие урана. Много урана.

— Это месторождение, — сказала она. — Причем очень перспективное. Если бы здесь работал геолог-разведчик, он бы уже отправил координаты в корпорацию.

Алексей понял, что их открытие теперь перестало быть только научным или культурным. Оно могло стать экономическим и политическим. А значит — опасным.

В ту же ночь он сидел с Туку у воды.

— Если об этом узнают... — начал Алексей.

— Они придут. С техникой. С буром и грохотом, — продолжил Туку.

— Мы не можем этого допустить. Этот мир — не просто тайна. Он — живой. Он дышит, как мы. Его нельзя вскрывать.

Туку достал амулет деда и положил его на ладонь Алексея:

— Тогда мы должны стать его хранителями.

На следующее утро Алексей отключил передатчики, передающие данные на базу. Он отдал приказ зашифровать координаты и изъять все упоминания о радиоактивном фоне из полевого журнала.

— Мы не врем, — сказал он команде. — Мы защищаем. Иногда лучший способ сохранить знание — не передать его сразу. А укрыть. Как это сделали они тысячи лет назад.

Так научная экспедиция стала тайным стражем затерянного мира. Тайным — пока мир наверху не станет готов услышать его дыхание.

ЭПИЛОГ

Экспедиция, начавшаяся как научное исследование исчезающей культуры, завершилась открытием, которое поставило под сомнение привычные представления о человеческой истории на юге планеты. На основании собранных данных, артефактов и свидетельств, обнаруженных на антарктическом побережье, исследователи выдвинули новую гипотезу, подтвержденную как этнографическими параллелями, так и геологическими данными.

Согласно результатам экспедиции, в далекую доисторическую эпоху, после того как народ яганов достиг берегов Огненной Земли, их путь не завершился. Примерно в тот же период регион подвергся мощному тектоническому сдвигу — землетрясение, зафиксированное в геологических слоях, разрушило прибрежные поселения и стало катастрофой для всего племени. Столкнувшись с гибелью и хаосом, часть яганов покинула родные земли в поисках убежища.

Судя по древним маршрутам и ориентирам, они пересекли пролив и достигли тогда еще частично свободного от льда антарктического побережья — узкой полосы земли, простиравшейся вдоль континентального шельфа. Здесь они нашли временное пристанище.

В этой суровой, но богатой природными ресурсами зоне они нашли временное пристанище. Прибрежные во-

ды изобиловали морепродуктами: моллюсками (в том числе мидиями и сердцевидками), морскими ежами, ракообразными, а также антарктическими крилем и рыбой — чем-то, что позволило народу, привыкшему к морской охоте, быстро адаптироваться.

Однако нестабильный климат и внешние угрозы вынудили их уйти глубже — в систему подземных полостей, сформированных древними вулканическими и тектоническими процессами. Именно там, в полной изоляции от остального мира, началась новая глава в истории яганов. Со временем антарктическая ветвь народа создала уникальную цивилизацию — замкнутую, самобытную, основанную на устных традициях, адаптированных к жизни в подземных условиях. Своды этих пещер образовывали кристаллические пласты — полупрозрачные природные купола, сквозь которые просачивался слабый рассеянный свет. Он проходил через толщу снега и льда с поверхности, создавая иллюзию вечного сумеречного дня и напоминая об утраченном мире под открытым небом.

Их духовная и культурная память, однако, не исчезла. Сквозь поколения сохранялось знание о прежнем мире — о каноэ, морском ветре, древних кострах и земле, которую они покинули.

Прошли века. И однажды ведомые древним зовом и памятью предков потомки антарктического племени приняли решение вернуться. Часть яганов покинула подземные пещеры и вновь вышла на свет — туда, где когда-то жили их предки. Так они вернулись домой, на Огненную Землю.

Именно этот великий обратный исход лег в основу легенды, которую веками передавали шаманы яганов: о том, что их предки пришли из страны больших белых льдов. Легенды, которую долго считали лишь символом... но которая оказалась отголоском подлинной забытой истории. Истории, сокрытой течением времени под толщей антарктического льда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Прибытие на край света	6
Глава 2. Тени древних связей	10
Глава 3. Предание шамана	16
Глава 4. Подготовка к экспедиции	19
Глава 5. Начало пути	22
Глава 6. На пороге Белой Земли	25
Глава 7. Затерянный мир	28
Глава 8. Тайны подземного мира	31
Эпилог	34

Виктор Харемов
Сергей Харемов

Огненная Земля: Тайна южных широт
Из цикла «Хроники стародавних царств»

В научно-фантастической повести «Огненная Земля» ученый-лингвист и сын шамана отправляются в загадочную экспедицию в южные широты. Они исследуют древнюю легенду яганов о подземном мире, скрытом под антарктическими льдами. Погружаясь в тайны прошлого, герои сталкиваются с невероятными открытиями, которые могут изменить представления о происхождении народа яганов.

ISBN 978-5-0067-4010-5

9 785006 740105 >